

С. Зарбаджи

К вопросу о грамматической категории вида в современном армянском языке

Проблема вида в современном армянском языке мало изучена. В грамматической литературе нет специального исследования или статьи, рассматривающей всю совокупность видовых отношений в армянском языке. В отдельных пособиях можно найти лишь краткие высказывания по этому поводу.

В рамках данной статьи мы попытаемся дать некоторое освещение этой весьма сложной и малоработанной проблемы и наметить общие исходные, принципиальные положения данной проблемы в ее применении к армянскому языку.

Современный армянский язык не имеет той классической системы видов, которая представляет характерную особенность, отличительную черту глагола в славянских языках и, в частности, в русском языке, — системы видов, с помощью которой достигается выражение самых разнообразных и тончайших оттенков характера и способа протекания глагольного действия.

Современный армянский язык почти утратил морфологическую категорию вида.

Единственным остатком вида, сохранившим свое существование в армянском языке с самостоятельным видовым значением и грамматическим оформлением, является итеративный вид действия (повторный, многократный), распространяющийся на небольшое число глаголов армянского языка.

Впервые в истории армянской грамматической мысли С. Паласян в своей „Грамматике родного языка“¹ обратил внимание на то, что частицы «-ոտ-, -տ» (-ot-, -t-) придают глаголу понятие многократности действия.

Например: «հորորտել» разламывать, «հորտել» разрезать, «թռչոտել» подпрыгивать и т. д.

Характер армянских глагольных суффиксов и придаваемое ими глагольному действию определенное видовое значение более обстоятельно исследованы в грамматических трудах проф. М. Абега. Относительно суффиксов, придающих глаголу видовое значение итеративности, М. Абегян в своем „Синтаксисе ашхарабара“ пишет следующее: „Итеративные частицы (суффиксы) -ատ-, -ոտ-, -տ- (-at-, -ot-, -t-)

¹ Սոս. Պալասյանյան, *Աշխարհի լեզուի բերականությունը*, Թիֆլիս, 1894, էջ 147—148:

образуют итеративные (многократные) глаголы, которые выражают повторное или многократное действие...¹.

Ту же мысль о значении данных суффиксов М. Абемян высказывает и в своем труде „Теория армянского языка“:

„Многократные глаголы выражают повторность действия или одинаковые акты многих действующих лиц; образуются в глаголах на *-ել* (-el) посредством суффиксов *-աւ* (-at-), *-ու* (-ot-), *-իւ* (-it-), *-ոտակ* (-otak-), *-իկ* (-ik-) и др. суффиксами“.

С нашей точки зрения, единственным видом армянского языка, выступающим с соответствующим морфологическим оформлением у определенного числа глаголов, является многократный или интенсивно-итеративный вид действия, например:

թռչել — *թռչկոտել* (прыгать — подпрыгивать)

նստել — *նստոտել* (садиться — рассаживаться)

կտրել — *կտրաւել* — *կտրիւել* (резать, разрезать, разрезывать) и т. д.

Как явствует из примеров, данные глаголы выражают многократный, итеративный вид действия, что отражено и в их русском переводе, переданном итеративным видом действия.

Морфологическим показателем итеративно-интенсивного вида действия в армянском языке являются глагольные суффиксы (*-աւ*, *-ու*, *-իւ*, *-ոտակ*, *-իկ*).

Значение итеративного вида в армянском языке может быть передано также полной или частичной редупликацией корня глагола.

Например:

փալլել — *փալլփլլել* (блестеть — поблескивать)

ձգել — *ձգձգել* (тянуть — растягивать)

ծամել — *ծամծամել* (жевать — разжевывать)

կապել — *կապկապել* (вязать — повязывать)

ծախել — *ծախծխել* (продать — продавать) и т. д.

Но данный вид действия не охватывает всей системы армянского глагола и распространяется на ограниченное число глаголов современного армянского языка, что говорит о том, что данный вид действия в современном армянском языке не является более продуктивным и представляет собой остаток древнего итеративно-интенсивного вида действия.

Приведем несколько примеров на глаголы с итеративно-интенсивным видом действия из армянских художественных произведений:

1) «Թաղի կանայք երկարատե օրվա շարքա՜ն աշխատանքից հետո խոճր-խոճր նստաւած էին իրենց դռների առջեւ...» (Նար-Դոս, Մեր Թաղը, I, էջ 63):

¹ Մ. Աբեղյան, Աշխարհարարի շարահիւստութիւն, Վաղարշապատ, 1912:

² Մ. Աբեղյան, Հայոց լեզվի տեսութիւն, Երևան, 1931, էջ 302:

2) «Այժմ արդեն նա ամեն կողմից իրեն կաշկանդված էր զոռւմ, ինչպես մի մարդ, որ ընկած է ձեռքն ու ոտքը կապկպած և ոչ մի հնար չի գտնում այդ կապանքից ազատվելու» (Նար-Ղոս, III, էջ 114):

3) «Վարդավառի տոնն էր: Փողոցներում երեխաները ջուր էին ածում միմյանց վրա, վազվզում էին, գոռում, գոչում» (Դաֆֆր, Ոսկի առառառ, էջ 113):

4) «Դարեանդներից գահավիժող Ազատ դեռի փրփրախոռոն ալիքները տեղ-տեղ փայլվում էին ինչպես արծաթի սահանք» (Մուրացան, V, էջ 16):

В приведенных примерах из произведений классиков армянской литературы Нар-Доса, Раффи, Мурацана подчеркнутые нами глаголы «սիտստած էին» (сидели), «կապկպած» (завязанный), «վազվզում էին» (бегали), «փալլվում էին» (поблескивали) выражают интенсивно-итеративный вид действия, который в форме «սիտստած էին» обозначен суффиксом *-ոտ-(-ot-)*, в остальных же формах выражен редупликацией корня глагола (վազվզում էին, կապկպած, փայլվում էին и т. д.).

В армянском языке в ряде глаголов можно обнаружить следы дуративного, имперфективного вида действия.

К числу таких глаголов относятся глаголы с суффиксами *-ենալ* (*-enal*), *-անալ* (*-anal*), придающие глаголу характер длительного, незавершенного вида действия.

Характерной особенностью этих глаголов является то, что формы с суффиксами *-ենալ* (*-enal*), *-անալ* (*-anal*) встречаются во всех временных формах, тогда как параллельные простые формы основ этих глаголов встречаются только в презенсе.

Вот простые формы этих глаголов и их видовые корреляты с суффиксом *-ենալ* (*-enal*):

ուզեմ — ուզենամ — ուզենալ — хотеть
 ունեմ — ունենամ — ունենալ — иметь
 գիտեմ — գիտենամ — գիտենալ — знать
 վախեմ — վախենամ — վախենալ — бояться и т. д.

Производные формы с суффиксом *-ենալ* (*-enal*) выражают длительное действие в противовес простым формам.

Такие видовые соотносительные пары с производными на *-ենալ*, *-անալ* засвидетельствованы и в грабаре и в среднеармянском.

Например: ցանկամ — ցանկանամ դատեմ — դատանեմ
 փութամ — փութանամ տարածեմ — տարածանեմ
 հերձեմ — հերձանեմ и т. д.

При этом предполагается, что производные суффиксированные формы с *-enal*, *-anal* уже в грабаре и среднеармянском должны были иметь значение длительного, дуративного вида действия, ибо суффиксы *-еп*, *-ап* выступали только во временах, образованных из основы презенса, которая всегда выражала длительный, несовершенный вид действия. В аористе же и в аористных формах, выражающих перфективный или моментно-перфективный вид действия, где вообще

исключалась возможность выражения какой бы то ни было длительности, данные суффиксированные формы выпадали.

Если вид, как морфологическая характеристика глагольного действия, почти утрачен в современном армянском языке, то вид находит свое формально-грамматическое выражение в различных временных формах армянского глагола.

При этом каждая временная форма является носителем определенного, постоянного видового и временного значения.

Вид и время тесно переплетаются в армянском языке в глагольной временной форме, создавая *видовременную категорию*.

Вид и время неотделимы и немыслимы друг без друга. Во временных формах армянского глагола существует такая тесная связь между понятием времени и вида, что они не поддаются разграничению.

Иными словами, армянский глагол не может выделить способ прохождения действия („вид“) в самостоятельное понятие, свободное от понятия времени, как это можно сделать в русском языке, где эти два понятия отделимы друг от друга, ибо понятия вида и времени в русском языке являются ярко выраженными самостоятельными грамматическими категориями с четкими морфологическими признаками.

Для иллюстрации этого положения приведем пример из русского языка.

Так, в русских глагольных формах прошедшего времени „он шел“ и „он пришел“ мы можем оставить на заднем плане понятие времени, которое для обеих форм является одинаковым (прошедшим), и сосредоточить все внимание на понятии вида; в таком случае можно сказать, что первый глагол обозначает несовершенное действие (он шел), а второй — совершенное действие (он пришел).

Нам в этом помогает при одинаковой временной примете (окончание -л) парная видовая система русского глагола.

Можно также абстрагировать понятие времени от понятия вида.

В глагольных формах „я беру“ и „я брал“ мы можем оставить в стороне несовершенный вид, как одинаковый для обеих форм, и только видеть временную разницу. Первый глагол стоит в настоящем времени, второй — в прошедшем. Нам в этом помогают при одинаковой видовой форме разные приметы времени: оконч. -у (наст. время) и оконч. -л (прош. время).

Если в русском языке понятия вида и времени переплетаются и в случае надобности могут быть отделены друг от друга, то в армянском языке понятия времени и вида органически взаимосвязаны, представляют одно неразрывное целое, которое мы не в состоянии разъединить, так как видовое значение не имеет своего формального показателя и, тесно переплетаясь с временным, находит свое формальное выражение через видовременную категорию.

В этом отношении армянский язык сходен с французским, где видовое значение весьма часто, а в некоторых временных формах

всегда сопровождает временное значение, составляя с ним одно неразрывное целое.

Французский глагол так же, как и армянский, не может выделить вид действия в самостоятельное понятие, свободное от понятия времени, где видовая характеристика действия непременно связывается с временем его прохождения в одной временной форме глагола.

Так, французское „Imparfait“ показывает действие в его развитии, помещая это действие в его прохождении в прошедший временной план, и не можем отделить понятие времени от понятия вида.

В современном английском языке наличествует также видо-временная категория, которая выражается в системе длительных времен (Continuous Tenses) и в форме „Present Perfect“, которая в английском языке является результативно-временной категорией.

Но современный армянский язык, как и французский и английский, в этом отношении отличается от современного немецкого языка, где временные формы утратили свое прежнее видовое значение и представлены в современном немецком языке как чисто временные категории, нейтральные в видовом отношении, где видовость выражается, в основном, лексическими средствами.

В этом разнообразии возможностей выражения характера протекания действия в отдельных языках проявляется специфика их строя, сказываются результаты внутренних законов их развития.

На способность армянской временной формы выражать одновременно временное и видовое значение впервые в истории армянской грамматической мысли обратил внимание проф. Манук Абебян, относительно чего он пишет в своем „Синтаксисе ашхарабара“:

„Глагольные времена неотделимы от видов глагола, которые показывают какой характер имеет действие, рассматриваемое в отношении к определенной временной точке настоящего, прошедшего или будущего“¹.

Следует при этом отметить, что способность выражения вида он приписывал *только причастию*, входящему в состав личной формы глагола, а не аналитической временной форме глагола *в целом*, искусственно разъединяя понятия вида и времени внутри одной временной формы.

Так, он пишет: „Время, в отношении которого совершается действие, выражено вспомогательным глаголом, а вид действия — причастиями“², что не представляется верным, ибо вид выражается не изолированной формой причастия, а аналитической формой глагола в целом, т. е. причастием + вспомогательный глагол. Изолированное причастие не может быть выразителем вида действия, поскольку оно выражает не действие, а общее понятие действия.

¹ Մ Աբեգյան, Աշխարհարարի շարահյուսիւն, էջ 224:

² Նույն տեղում, էջ 225:

Вид действия выражается глаголом-сказуемым в его личной временной форме, следовательно личная форма глагола, а не причастие, является носителем определенного видового и временного значения.

Таким образом, категория вида в армянском языке связана с личной формой глагола и выражает характер и способ протекания действия, рассматриваемого в отношении какой-либо точки во времени в плане настоящего, прошедшего или будущего.

В классификации видов М. Абегиана имеется еще „простой вид“, который, по мнению М. Абегиана, лишен всяких признаков вида.

К этому „простому“ виду М. Абегиан относит простые формы глагола, в отличие от прочих трех видов, в которые входили только аналитические формы глагола, и рассматривал его „простым“ или „нейтральным“ в видовом отношении лишь потому, что, по его мнению, категория вида могла выражаться только причастием, необоснованность чего была уже выше отмечена; но так как, помимо аналитических форм глагола, в армянской временной системе есть и простые личные формы глагола, например аорист, то он рассматривал эти формы как лишенные категории вида, поскольку в их составе нет причастия — носителя, согласно М. Абегиану, видового значения.

Но языковые факты показывают, что в армянском языке носителем видового значения является *личная временная форма глагола*, а не причастие; отсюда „простой вид“, введенный в армянскую грамматику М. Абегианом и сохраняющийся во всех последующих грамматических трудах, в том числе и в труде О. Х. Барсегяна „Теория и спряжение глагола современного армянского языка“ (1953), где автор на стр. 151 пишет: «Պարզ ժամանակները, որոնք դերբայներով չեն կազմվում և հետևաբար գործողություն չեն կատարում իրա ուղղորտություն չեն դարձնում, անկերպ են»¹. И еще: «Պարզ ժամանակների բայերը համարվում են անկերպ իսկ պարզ կերպի»² (простые временные формы глагола — *без вида* (подчеркнуто нами — С. З.) или простого вида). Здесь О. Х. Барсегян фактически повторяет взгляды М. Абегиана на „простой вид“, что не соответствует языковым фактам армянского языка, где *каждая временная форма, в том числе и „простая“, наделена определенным видовым содержанием и без него немыслима*.

Следовательно, и аорист, который, как простая временная форма, был отнесен в видовой схеме М. Абегиана к группе „простого вида“, т. е. *без вида*, в связи с тем, что он не образовывался с помощью причастия, на самом деле имеет ярко выраженное видовое значение наряду с временным. Он выражает моментно-перфективный вид действия в плане прошлого.

¹ Չ. Բարսեղյան, Արդի հայերենի բայի և խոնարհման տեսություն, Երևան, 1953, էջ 151.

² Там же, стр. 116—117.

Таким образом, каждая временная форма глагола в современном армянском языке выражает одновременно временное и видовое значения, которые не поддаются разграничению и одно без другого немислимо.

В системе главных времен изъявительного наклонения действ. залога армянского языка мы имеем следующие видо-временные категории.

1. *Презенс* (*հերկա*) выражает происходящий в момент речи и продолжающийся в плане настоящего процесс действия, не ограниченный никакими пределами, следовательно выражает видовое значение дуративного (курсивного, имперфективного) вида действия, наряду со значением настоящего времени. Графическое изображение вида действия, выражаемого армянским презенсом, может быть представлено в виде неограниченной, идущей в обе стороны прямой линии, исходной точкой которой является момент речи.

Например: *Ես գնում եմ* — — — — — ● — — — — —
Ես նկարում եմ

2. *Имперфект* (*անցյալի անկատար*) выражает длительный процесс протекания действия в прошлом, не ограниченный никакими пределами, следовательно выражает видовое значение дуративного, несовершенного вида действия наряду со значением прошедшего времени, четко отграниченного от плана настоящего. Графическое изображение вида действия для армянского имперфекта может быть представлено в виде неограниченной, идущей в обе стороны прямой линии.

Например: *Ես գնում էի* — — — — —
Ես կարդում էի

3. *Перфект* (*վաղակատար*) выражает начатое в прошлом и законченное к моменту речи прошедшее действие без указания на результат этого действия в настоящем. Графическое изображение вида действия для армянского перфекта (*վաղակատար*) может быть представлено в виде ограниченной с одной стороны прямой линии, где пределом, границей действия является момент речи.

Например: *Ես գնացել եմ* ————— | момент речи
Ես գրել եմ

4. *Результативный перфект* (*հարակատար*) выражает законченное к моменту речи прошедшее действие с длительным или постоянным результатом этого действия в настоящем. Графическое изображение вида действия результативного перфекта совпадает с перфектом (*վաղակատար*), в дополнение к которому мыслится обязательно наличие результата прошедшего действия в настоящем, чем он и отличается от формы *վաղակատար*.

Например: *Ես նստած եմ* ————— | + результат прошедшего
Ես հանգնած եմ действия в настоящем

времени сочетается с видовой семантикой моментно-перфективно-го вида действия и без него немыслимо. Под моментно-перфективным видом действия, выражаемым аористом, мы не должны понимать только временную точку, момент, в котором начинается и завершается прошедшее действие, т. е. мгновенное действие, лишенное всякой длительности, хотя это и представляет превалирующее качество видовой семантики армянского аориста, но и *действие с определенной длительностью*, строго ограниченное в определенном отрезке времени плана прошлого с четким указанием на границы его прохождения, на пределы его начала и конца.

Данная особенность видовой семантики армянского аориста не отмечена ни в одной из существующих армянских грамматик, хотя она способствует более правильному и точному восприятию сущности семантики армянского аориста.

Видовое значение армянского аориста может быть представлено в виде точки или в виде ограниченного с двух сторон отрезка прямой: ● |————|

Вот примеры, иллюстрирующие данные видовые значения армянского аориста.

а) Примеры на „мгновенный“ аорист:

«... Կարծես նրա աչքերը միանգամից զամլեցին նրա դեմքի վրա» (Նար-Դոս, I, էջ 125):

«Հանկարծ նա դեմքը ծածկեց ձեռքերով և սանձահար հեկեկանքը սկսեց խեղդել նրա կոկորդը» (Նար-Դոս, I, էջ 103):

«Նա ալիկս խոսեց, շանթահարի նման ցնցվեց և մնաց անշարժ» (Բաֆֆի, Սամվել, III, էջ 247):

В данных примерах (которых можно привести очень много!) формы аористов զամլեցին (приковались), ծածկեց (закрыла), սկսեց (начала), խոսեց (не разговаривала), ցնցվեց (была потрясена), մնաց (осталась) выражают мгновенное действие, где начало и конец действия совпадают в одной временной точке, не выражая никакой длительности. Графически вид действия данных аористов может быть представлен в виде точки (.), поскольку все вообще действие сводится только к одному моменту, начало и конец действия совпадают во времени и различие начинательного и заключительного моментов действия оказывается беспредметным, выражение мгновенности действия представляет в аористе превалирующее качество. Большинство примеров на употребление армянского аориста указывает на мгновенность действия.

Но, помимо выражения мгновенности действия, аорист выражает и значение *ограниченной длительности действия в плане прошлого*.

Вот примеры:

1. «Մոռենալով մի կայարանի՝ գնացքը դանդաղեցրեց ընթացքը» (Հր-Բաշար, ՄՏՁ, էջ 126):

2. «Նա ցարճ ժամանակ մնաց անշարժ, աչքերը մի կետի հա-
նած...» (Նար-Դոս, III, էջ 37):

3. «Երկառ ժամանակ անցավ, մինչև որ մայր ու աղջիկ հավա-
քական ուժերով մի կերպ զորջացրին նոտարի արագ ու սահուն ձևերով
գրած ահադին թերթը...» (Նար-Դոս, I, էջ 234):

В приведенных примерах подчеркнутые формы аористов выража-
ют действия с ограниченной длительностью, протекающие в опреде-
ленном, ограниченном пределах отрезке времени плана прошлого.

Данное значение аористов подчеркивается *лексически*, с помощью
прибавления к ним адвербиальных оборотов («Կարճ ժամանակ», «Երկար
ժամանակ») или выражается семантикой самого аориста («դանդաղեց-
րեց»).

Таким образом, длительность налицо и при аористе, но эта дли-
тельность ограничена, как бы подытожена в какой-то определенный
исторический момент, который может заключаться в нескольких мгно-
венных или представлять более длительный отрезок времени. Но дей-
ствие в аористе всегда налицо во всем своем объеме, в своей це-
лостности.

На основе вышеизложенного о семантике аориста мы приходим
к следующим выводам:

1. Аорист (*անցյալ կատարյալ*) — особая форма прошедшего време-
ни, локализирующая действие в конкретном моменте или отрезке
времени плана прошлого, строго отграниченного от плана настоя-
щего.

2. Наряду со значением прошедшего времени аорист имеет и
сопутствующее ему видовое значение: аорист — действие с видо-
выми оттенками ограниченной длительности или мгновенности дей-
ствия (|—————| ●).

3. Понятие ограниченной длительности выражается лексически:
семантикой глагола, от которого образована данная форма аориста
или адвербиальными оборотами, определяющими границы длитель-
ности.

Такова семантика аориста в современном армянском языке. Тако-
во отношение грамматической категории вида ко времени в совре-
менном армянском языке. ●

Таким образом, можно констатировать, что армянские
временные формы представляют собой четко выраженные видо-
временные категории, в которых понятия вида и времени органи-
чески взаимосвязаны в каждой временной форме и не поддаются
разграничению.

В этом своеобразии заключается особенность, специфика семан-
тики армянских временных форм глагола на данном этапе развития
языка.